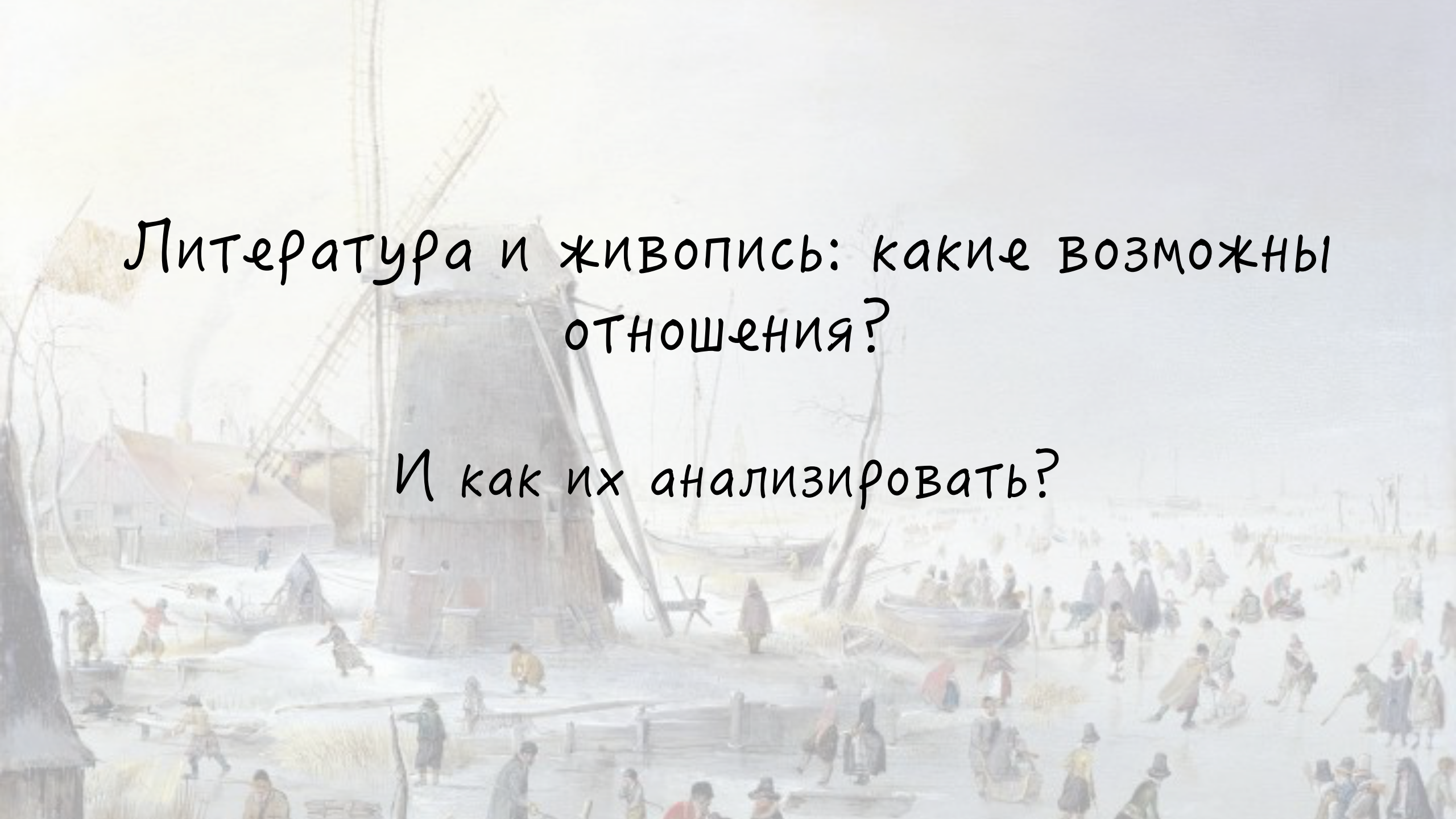

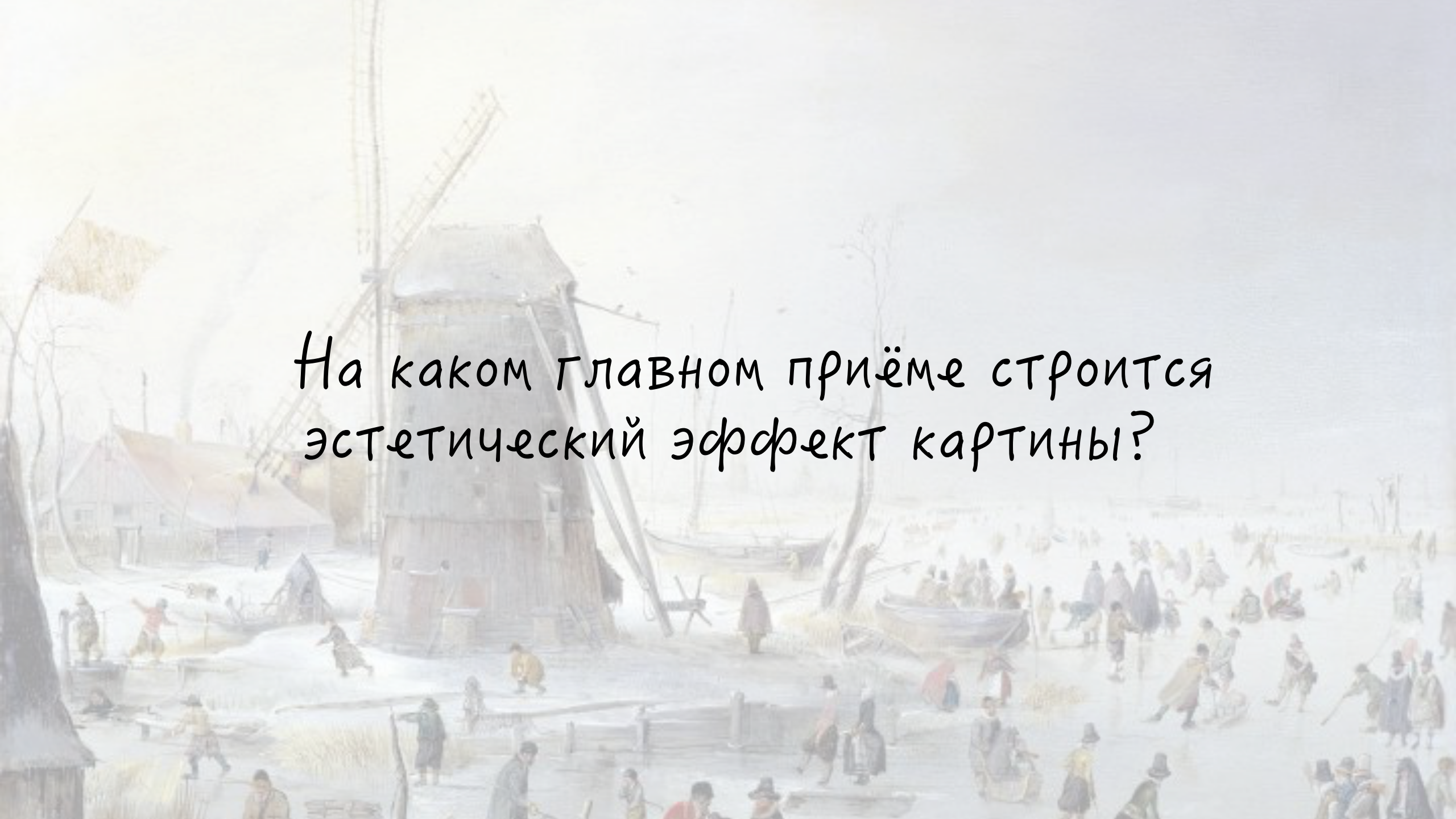
*Толландская живопись и русская
поэзия*

A detailed painting of a Dutch windmill scene. In the center, a large wooden windmill stands on a grassy bank. To its left is a small wooden house with a thatched roof. In the foreground, a large group of people in 17th-century Dutch clothing are engaged in various activities: some are walking, some are sitting on the grass, and others are playing games. A small boat is visible in the water to the right. The background shows more windmills and a hazy landscape.

Литература и живопись: какие возможны
отношения?

И как их анализировать?

The background image is a painting of a Dutch windmill scene. A large, dark wooden windmill with a tall, thin tower and a lattice-like cap is the central focus. To its left is a small, simple wooden house with a gabled roof. In the foreground, a large, open area is filled with numerous small figures of people in 17th-century Dutch clothing. Some are walking, some are sitting on the ground, and others are engaged in various activities. The scene is set in a flat, open landscape with a few bare trees in the distance. The overall style is that of a 17th-century Dutch painting, with a focus on everyday life and a detailed, realistic depiction of the environment.

На каком главном приёме строится
эстетический эффект картины?

П. Брейгель «Охотники на снегу»

Почему авторы обращаются к картине Брейгеля? Какие смыслы из неё вычитывают? Какие индивидуальные авторские смыслы появляются в разных текстах в связи с взглядом на картину?

Уильям Карлос Уильямс

Охотники на снегу

Зима всюду зима
задним планом холмы
снег на склонах возвращаясь

вечером после охоты
из левого края
в пространство холста входят

охотники следом псы вывеска
косо висит
на трактире олень и распятие

холодает
на дворе
и только костер

языками отзывается ветру
кидаясь на хворост
что суют ему женщины справа

холм конькобежцы под ним
Брейгель-художник
все это впускает в себя

выбирая для фона
голый кустарник
картина готова

С. Гандлевский

* * *

Было так грустно, как если бы мы шаг за шагом
Хвойной тропинкой взошли на обветренный холм
И примостились бок о бок над самым оврагом –
Я под сосною, а ты на откосе сухом.

В то, что предстало тогда потемневшему взору,
Трудно поверить: закатная медная ширь,
Две-три поляны, сосняк и большие озера,
В самом большом отразился лесной монастырь.
Прежде, чем тронуться в путь монастырской дорогой,
Еле заметной в оправе некошенных трав,
Мы битый час провели на поляне пологой,
Долго сидели, колени руками обняв.

Помнишь картину? Охотники лес покидают.
Жмутся собаки к ногам. Вечереет. Февраль.
Там в городишке и знать, вероятно, не знают
Всех приключений. Нам нравилась эта печаль.
Было так грустно, как будто бы все это было –
Две-три поляны, озера, щербатый паром.
Может, и было, да легкое сердце забыло.
Было и горше, но это уже о другом.

1976

Сергей Гандлевский

* * *

О.Т.

Обычно мне хватает трёх ударов.
Второй всегда по пальцу, бляха-муха,
а первый и последний по гвоздю.
Я знаю жизнь. Теперь ему висеть
на этой даче до скончания века,
коробиться от сырости, желтеть
от солнечных лучей и через год,
просроченному, сделаться причиной
неоднократных недоразумений,
смешных или печальных, с
водевильным
оттенком.

Снять к чертям — и на
растопку!

Но у кого поднимется рука?

А старое приспособление для
учёта дней себя ещё покажет
и время уместит на острие
мгновения.

Какой-то здешний внук,
в летах, небритый, с сухостью во рту,
в каком-нибудь две тысячи весёлом
году придёт со спутницей в музей
(для галочки, Европа, как-никак).
Я знаю жизнь: музей с похмелья — мука,
осмотр шедевров через не могу.
И вдруг он замечает, бляха-муха,
охотников. Тех самых. На снегу.

Бахыт Кенжеев

Охотники на снегу

Уладится, будем и мы перед счастьем в долгу.
Устроится, выкипит – видишь, нельзя по-другому.
Что толку стоять над тенями, стоять на снегу,
И медлить спускаться с пригорка к желанному дому
Послушай, настала пора возвращаться домой,
К натопленной кухне, сухому вину и ночлегу.
Входи без оглядки, и дверь поплотнее прикрой –
Довольно бродить по бездомному белому снегу.
Уже не ослепнуть, и можно, спокойно смотреть
На пламя в камине, следить, как последние угли
Мерцают, синеют, и силятся снова гореть,
И гаснут, как память – и вот почернели, потухли.
Темнеет фламандское небо. В ночной тишине
Скрипят половицы – опять ты проснулась и встала,
Подходишь наощупь – малыш разметался во сне
И надо нагнуться, поправить ему одеяло.
А там, за окошком, гуляет метельная тьма,
Немые созвездья под утро прощаются с нами,
Уходят охотники, длится больная зима,
И негде согреться – и только болотное пламя. . .

1975

М.Ю.Кукин

Охотники на снегу

Видно с птичьего полёта,
как охотники с охоты
возвращаются по снегу.
И поджарые собаки,
сбившись в кучу, поспешают
за охотниками следом.
Добираясь до ночлега,
все промокли и устали
и выходят на вершину.
Уходя до горизонта,
впереди лежит равнина,
занесённая снегами.
Там далёкие деревни,
и кирпичные руины,
и готические шпили.
Там деревья и каналы,
и катки, и конькобежцы,
и дороги, и плотины.

Там пиликают на скрипке,
и служанки носят воду,
и на кухне жмутся дети.
Там прядут и вышивают,
чинят порванные сети,
выпивают у соседей.
Там из липы вырезают
немудрёные игрушки,
там расписывают глину.
Там в обнимку у харчевни
бродят пьяные солдаты
и горланят про чужбину.
В сером воздухе холодном
пахнет луковой похлёбкой,
пахнет брагою и хлебом.
Тишина повсюду веет.
День смеркается короткий.
Не оглянись — стемнеет.

Рождество, как у голландцев

Светящиеся изнутри и заиндевелые окна домов походили на драгоценные ларцы из дымчатого слоистого топаза. Внутри них теплилась святочная жизнь Москвы, горели елки, толпились гости и играли в прятки и колечко дурачащиеся ряженые.

Вдруг Юра подумал, что Блок это явление Рождества во всех областях русской жизни, в северном городском быту и в новейшей литературе, под звездным небом современной улицы и вокруг зажженной елки в гостиной нынешнего века. Он подумал, что никакой статьи о Блоке не надо, а просто надо написать русское поклонение волхвов, как у голландцев, с морозом, волками и темным еловым лесом.

Они проезжали по Камергерскому. Юра обратил внимание на черную протаявшую скважину в ледяном наросте одного из окон.

Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи, проникавший на улицу почти с сознательностью взгляда, точно пламя подсматривало за едущими и кого-то поджидало.

«Свеча горела на столе. Свеча горела...» — шептал Юра про себя начало чего-то смутного неформившегося, в надежде, что продолжение придет само собой, без принуждения. Оно не приходило.

Б.Л.Пастернак «Рождественская звезда».

Что такое «Рождество, как у голландцев»?

Михаил Кукин

М.К.

Ты наливаешь чай — пока упругой дугой
из чайника в чашку, блеснув, перебегает вода,
я успеваю понять, какой в этом скрыт покой:
в нашем *здесь и сейчас* — наше *здесь и всегда*.

Двое на утренней кухне. Уже светло за окном.
И в свете неяркого дня, сквозь будничный этот обряд
просматривается мир, где, в сущности, мы и живем.

— Тебе с молоком?

— С молоком.

Движение. Улыбка. Взгляд.

